

Анатомия атаки на институт саморегулирования: как СРО ААУ «Синергия» защитила профессиональное сообщество от 100-миллионной схемы

АННОТАЦИЯ

Суд отказал во взыскании более 130 млн руб. убытков с арбитражного управляющего. Формально спор касался бездействия, а по сути, стал классической попыткой превратить механизм привлечения к ответственности в инструмент конвертации фиктивных долгов в реальные деньги из компенсационного фонда. Победа стала возможной благодаря принципиальной позиции ассоциации, выступившей в роли профессионального разоблачителя.

Спектакль в двух актах с одним режиссером

В деле о банкротстве компании из алкогольного холдинга история развивалась по нарастающей, как в плохом, но дорогом детективе. Первый акт был скромнее: новоявленный управляющий попытался взыскать с предыдущего 30 млн руб. за якобы неоспаривание платежей. Суд, вникнув в суть, отказал в убытках – платежи имели встречное предоставление.

Но это была лишь разминка, проверка границ допустимого. Второй акт оказался куда более амбициозным и циничным. Сменив номинального управляющего на своего человека, та же группа лиц подала новый иск уже на 100 млн руб. Основание? Бездействие предшественника, который не взыскал дебиторскую задолженность по якобы выданным наличным займам. Требуемая сумма была рассчитана так, чтобы основное бремя легло на компенсационный фонд.

Сценарий был прост: создать видимость ущерба и получить за него реальное возмещение от профессионального сообщества. Однако авторы сценария не учли готовность ассоциации идти до конца в защите принципов профессии.

*****ский коворкинг, или как управляющий стал разменной монетой**

Ассоциация, получив первые тревожные сигналы несколько лет назад, провела проверку и быстро выяснила пикантные детали. Управляющий, которого в будущем обвинят в бездействии, оказался классической номинальной фигурой. Его контакты (почтовый адрес, телефон, электронная почта) в точности совпадали с контактами лиц, представлявших интересы единственного и, что критично, кредитора с сомнительными требованиями.

Впоследствии выяснилось, что юрист, начинавший с представления этого кредитора, в итоге стал представлять и самого управляющего. Налицо было не просто пересечение интересов, а их полное слияние. Более того, из публикаций ЕФРСБ следовало, что этот же адрес, телефон и электронная почта использовались как минимум семью арбитражными управляющими, включая нового, подавшего иск об убытках. Что это, как не ***ский коворкинг по ведению взаимосвязанных банкротств?

Разумеется, такого управляющего оперативно исключили из членов ассоциации. Казалось бы, инцидент исчерпан. Но, как выяснилось, это был лишь первый ход. Исключенный номинал успел совершить ключевое «бездействие» – не стал взыскивать с контрагентов сомнительный долг. А сменивший его управляющий (который, о чудо, ранее координировал действия того самого ключевого кредитора и номинального управляющего) тут же подал на него иск.

Логика была проста и нагла: вы, номинальная фигура, действовавшая по нашей указке, причинили убытки... самим себе? А заплатить за это должна ассоциация.

Мастера своего дела, или как разбирают мнимые долги на атомы

Ассоциация проявила себя не как пассивный наблюдатель, а как главный оппонент и эксперт. Наша позиция в суде была построена на методичном, пошаговом разборе всей конструкции. Мы принципиально переструктурировали аргументацию, показав несостыковки в логике заявителя – не в общем виде, а по каждому доводу и доказательству. Их было много, очень много. Общий объем позиции составил около тридцати листов. Мы несколько раз уточняли и дополняли ее, чтобы ни один аргумент не повис в воздухе, ведь в деле важно оставлять письменные следы.

Во-первых, был поставлен под сомнение сам предмет спора – дебиторская задолженность, оформленная как выданные физическим лицам наличные займы. И здесь факты говорили сами за себя:

Выписки по счетам компании показали, что она никогда не проводила инкассацию и не снимала подобные суммы. Откуда в кассе, которой никогда не было, взяли наличные для их выдачи – вопрос из области фантастики.

Налоговая подтвердила, что компания не представляла кассовую книгу и журналы регистрации ордеров. Те немногие расходные ордера, что фигурировали в деле, были составлены с нарушениями, что лишало их силы первичного документа.

Данные ФНС также подтвердили, что доходы лиц, якобы получивших займы, никогда не позволяли им располагать такими средствами, а некоторые и вовсе не имели регистрации в РФ.

Инвентаризация имущества, проведенная номинальным управляющим, выявила 220 дебиторов, но среди них не было ни одного из заемщиков. Более того, бухгалтерский баланс не содержал записей о наличных деньгах в заявленных объемах.

Вывод ассоциации был категоричен и неопровержим: задолженность мнимая. Нет реального долга, значит, нет и убытков от его невзыскания. Суды с этим согласились.

Во-вторых, мы доказали системную аффилированность, представив суду акты из других дел, где связи между ключевым кредитором, новым управляющим и иными участниками уже были установлены судами. Картина сложилась законченная: одна группа лиц инициировала процедуру банкротства с мнимыми требованиями (ранее признанными таковыми в делах о банкротстве компаний той же группы), поставила своего номинального управляющего, а затем, сменив его на другого своего человека, попыталась взыскать с первого миллионы, то есть, по сути, с самих себя, но уже за счет страхового механизма профессионального сообщества.

Налоговая бомба, или когда схема бьет по своим создателям

Отдельного упоминания заслуживает тактический ход ассоциации, который превратил защиту в контратаку. Если договоры займа реальны, как утверждал заявитель, то на стороне заемщиков после истечения срока исковой давности образовался доход в виде списанной многомиллионной кредиторской задолженности. Согласно НК РФ, с такого дохода подлежит уплате НДФЛ по ставке 15% (для доходов свыше 5 млн руб.). Плюс штрафы за непредставление

декларации (30% от суммы налога) и неуплату (40%). Плюс пени за несколько лет.

Ассоциация направила обращения в налоговую с детальным расчетом и «первичными документами из дела», указав на задолженность перед бюджетом более 50 млн руб. ФНС подтвердила начало камеральных проверок.

Элегантность хода очевидна: если долги реальны, тогда заемщики получают многомиллионные доначисления; а если мнимы, тогда рушится вся конструкция иска об убытках. *Tertium non datur* — третьего не дано. Авторы сценария оказались перед выбором — признать фиктивность долгов или подставить своих соучастников под налоговые санкции.

Правовая квалификация, или почему отказ в иске был неизбежен

Суд первой инстанции, а затем и апелляция выстроили безупречную правовую логику отказа. Для взыскания убытков необходима совокупность условий: противоправность поведения, наличие убытков и их размер, причинно-следственная связь, вина.

Заявитель не доказал ни одного элемента. Более того, суд особо отметил, что истец проигнорировал многочисленные определения, которыми ему предлагалось представить доказательства реальности задолженности и возможности ее взыскания.

Попытка сослаться на преюдицию более раннего определения о признании бездействия незаконным была отвергнута. Как справедливо указал суд, ссылаясь на определение Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 305-ЭС20-16, квалификация обстоятельств не разрешается по правилам преюдиции. В том деле управляющий признал требование (несвоевременная передача документов, что якобы послужило основанием для пропуска исковой давности), состязательность отсутствовала, вопрос о реальности задолженности не исследовался. Таким образом, формальное признание бездействия незаконным не создает презумпции причинения убытков, поскольку каждый элемент состава правонарушения должен быть доказан отдельно.

Контролируемое банкротство группы компаний

Анализ материалов дела выявил признаки не банкротства отдельной компании, а системы взаимосвязанных процедур, охватывающей десятки юридических лиц группы.

Судебными актами по делам о банкротстве компаний этой группы неоднократно устанавливалась мнимость заемных обязательств перед организацией-инициатором банкротств. Права по ним последовательно переуступались через ряд других компаний, в том числе и через инициатора банкротства в нашем деле.

В материалы дела был приобщен акт выездной налоговой проверки старой процедуры банкротства, в котором ассоциация принимала участие пять лет назад. В акте Росфинмониторинг прямо указывал на деятельность группы по уклонению от уплаты налогов и выводу денежных средств в теневой оборот. Там же было отмечено, что процедуры банкротства компаний группы контролируют одни и те же лица, а арбитражными управляющими выступают связанные между собой специалисты с общим *****ским адресом.

По обращениям ассоциации МВД РФ возбудило уголовные дела и проводит проверки по фактам, изложенным в материалах банкротства.

Почему эта победа сигнал для всей отрасли

Решение суда, поддержавшего позицию ассоциации, – это не просто отказ в иске. Это важный прецедент и четкий сигнал.

Во-первых, для недобросовестных игроков. Попытки использовать арбитражного управляющего как расходный материал, а компенсационный фонд как безотказный банкомат, встречают все более квалифицированный и жесткий отпор. Саморегулирование – это не только стандарты, но и готовность идти в суд и копаться глубже формальных процессуальных действий.

Во-вторых, для профессионального сообщества. Эффективная защита репутации отрасли – это не PR-кампании, а тяжелая доказательная работа. Наша победа является вкладом в общее доверие к системе, демонстрацией того, что ассоциации могут и должны быть не формальными объединениями, а реальными гарантами чистоты профессии и активными защитниками своих членов и резервов.

В-третьих, для судебной практики. Дело демонстрирует необходимость критического анализа формально безупречных конструкций. Совпадение контактных данных у нескольких управляющих, последовательная смена ролей (представитель кредитора – юрист управляющего – вновь утвержденный управляющий – истец по убыткам), отсутствие документального подтверждения миллионных кассовых операций – все это должно было и, к чести судов, вызвало повышенное внимание к обоснованности требований.

Нам видится, что именно в такой активной, аналитической и бескомпромиссной позиции заключается современная сила саморегулирования. Когда ассоциация выступает не карающим органом *post factum*, а экспертом-разоблачителем в самом сердце судебного спора – привлекая к делу налоговые органы, Росфинмониторинг и прокуратуру, истребуя десятки материалов, ходатайствуя об отстранении недобросовестного управляющего, – это действеннее любых циркуляров.

Мы не позволили превратить наш компенсационный фонд в источник финансирования схем. Мы защитили не только деньги, но и принцип: профессия арбитражного управляющего не инструмент для обогащения, а серьезная публично-правовая функция.

Вопрос, который остается открытым

А что, если бы ассоциация проявила пассивность? Удалось бы тогда суду, без профессиональной поддержки и детального анализа, разглядеть за формальным иском столь изящный, многоходовый сценарий плохого, но дорогого детектива?

Ответ, боюсь, неутешителен. Именно поэтому активная позиция ассоциации не прихоть и не самоцель, а необходимое условие сохранения института банкротства как инструмента разрешения споров, а не площадки для извлечения прибыли за счет профессионального сообщества.

